Краснов Антон Сергеевич, Волчкова Ольга Олеговна, Биккинин Азат Миргасимович

НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

Целью данной статьи являются выявление и критика наиболее устоявшихся в современной философской традиции мифологем и методологических установок постструктуралистской философии и постмодернистской традиции в целом. Постмодернистская традиция, в той мере, в которой она воспринята в современной российской философии, по мнению авторов, не просто на сегодняшний день теряет свою актуальность и наносит непоправимый вред философии как науке, но и вызывает стагнацию развития философского знания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/1/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(75) С. 130-132. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 101.1
Философские науки

Целью данной статьи являются выявление и критика наиболее устоявшихся в современной философской традиции мифологем и методологических установок постструктуралистской философии и постмодернистской традиции в целом. Постмодернистская традиция, в той мере, в которой она воспринята в современной российской философии, по мнению авторов, не просто на сегодняшний день теряет свою актуальность и наносит непоправимый вред философии как науке, но и вызывает стагнацию развития философского знания.

Ключевые слова и фразы: философия; парадигма неоклассики; постмодерн; *after-postmodern*; постструктурализм.

Краснов Антон Сергеевич, к. филос. н.
Волчкова Ольга Олеговна
Биккинин Азат Миргасимович
Казанский (Приволжский) федеральный университет
anton-krasnov1987@yandex.ru; Adelaida389@mail.ru; azatbi2k@gmail.com

НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

Любая рефлексия, и философская рефлексия прежде всего, является лишь отражением реальной исторической эпохи – «философия – это время, схваченное в мысли» [4, с. 18]. Критикуя любую парадигму, мы всегда критикуем элементы исторической эпохи. Быть может, для того, чтобы понять, что «история учит лишь тому, что она никогда ничему не научила народы» [3, с. 61], или отметить, что «…все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды <…> первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» [10, с. 3].

Мышление всегда вторично по отношению к бытию, поскольку бытие определяет сознание [11, с. 582]. Сегодня философия стоит на пороге формирования новой глобальной интуиции – неоклассической философии [12, с. 106], которая фундируется на отличных от постмодерна основаниях. Посему наша критика постмодерна – это не только опыт его осмысления, но и попытка его преодоления. Сегодняшние реалии таковы, что традиционная для XX века методологическая установка Ницше – Делёза о том, что «нет фактов, только интерпретации» [13, с. 121], теряет свою актуальность и факты становятся важнее интерпретаций. Осмысленное отрицание позиции Ницше – Делёза, ее «переворачивание» особенно важно при смене философских эпох: от постмодерна к неоклассике.

Г. В. Ф. Гегель заметил, что последующие 200 лет мир будет заниматься бессистемным философствованием, а субъективность обретет свое безраздельное господство, высвобождая весь свой потенциал [4, с. 464].

Постмодерн как основная культурная традиция второй половины XX века, определявшая содержание гуманитарных наук, на сегодняшний день исчерпал свой эвристический потенциал [2, с. 4]. Отметим, что философия постмодерна – постструктурализм – оказалась преходящим феноменом, ограниченным в пространстве и времени. На сегодняшний день в западноевропейской традиции постструктурализм не является определяющим вектором интеллектуальных поисков философов.

Внутренне противоречивая, разрушительная эпоха, прошедшая в стиле *post-mo*, уже завершилась, хотя она, в лице своих представителей, считала себя последней и перманентной, разорвавшей оковы историзма и гипертрофированного экономизма, элиминировавшей традиционные логические, смысловые и методологические системы классической философии, тем самым «освободив» чистую мысль из «плена» классического систематизма и «мировоззренческого фундаментализма», заменив его на «мировоззренческий фаллибилизм» [19, с. 5].

По общему утверждению, термин «постмодерн» восходит к творчеству Ж.-Ф. Лиотара, который в 70-е годы XX века ввел его в гуманитарный дискурс [9, с. 160]. Лиотар разворачивает перед читателем картину перехода от модерна к постмодерну, на содержательном уровне утверждая тезис о глобальном системном кризисе метасценариев и смерти метанарративов. Вся критика французского мыслителя в отношении метанарративов, его бунт против Большой Идеи является сущностно утверждением Большой Идеи о смерти Большой Идеи. И здесь становится очевидным, что постмодерн отстаивает и закрепляет то, против чего воюет сам: отрицая всякую тотальность, которая всегда по своей природе репрессивна к мышлению, он провозглашает новую тотальность.

Но чем же так «бедна» философия постмодерна – постструктурализм? Во-первых, нищета философского языка. Парадоксально, что традиция, утверждающая панъязыковую интуицию, сама оказывается в плену сниженной метафорики. Подмена классических философских категорий в угоду литературным и псевдонаучным, отказ от методологии восхождения к этим категориям превратили постструктурализм в нечто иное, отличное от философии.

Посему философия как наука теряет связь со всеми критериями научности и превращается в интеллектуальную литературу, теряя свой статус, налицо маргинализация философии. Это закономерное явление постмодернизма, поскольку в самом имманентном пространстве постмодернистской рефлексии заложен принцип – принцип отказа от истины в ее классическом понимании. Главный герой постмодернизма как

культурного явления – Текст, а философия постмодерна в лице своих представителей закрепила и кристаллизовала эту интуицию, сложившуюся в литературе постмодерна в начале 30-х годов XX столетия. Провозглашая тотальность текста – «нет ничего, кроме текста» [8, с. 279], – постструктурализм совершает онтологический разрыв между бытием (реальностью) и текстом. Например, традиционная дефиниция «понятия» как «сокращения, в котором мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей» [16, с. 129], элиминируется, отныне «понятию» отказывают в его связи с бытием, в его рефлексивной природе. Понятие – это только слово, категория – только слово. Истина – только слово, не имеющее никакой онтологической характеристики, кроме характеристики Текста, который не является рефлексивным по отношению к реальности, он и есть тотальная, абсолютная реальность, поскольку нельзя диагностировать ничего, кроме текста: «реальность окончательно не обнаружена, имеется только текст» [Там же, с. 156]. Потеряв связь с реальностью, текст обречен на бесконечное самоповторение, исключающее всякое развитие, а вместе с ним обреченной оказывается постструктуралистская модель мышления, поскольку теряет таким образом свой эвристический потенциал.

Завершая прерванную мысль о постструктуралистской артикуляции истины, процитируем А. Пятигорского, который, размышляя о постмодерне, отмечал, «…что “истина” – это слово, которое не имеет иного смысла, нежели тот, что это слово означает, и решительно не соглашаясь с марксизмом, утверждающим, что истина исторична, постмодернисты видят ее только как слово, как элемент текста, как, в конце концов, сам текст. Текст вместо истории. История – не что иное, как история прочтения текста» [14, с. 367]. При данной артикуляции категории «истина» постструктурализм, как отмечает В. Брайсон, «в принципе отрицает возможность достоверности и объективности <…> такие понятия, как “справедливость” или “правота” утрачивают свое априорное значение» [1, с. 12]. Отношение постструктурализма к истине для нас является основополагающим, поскольку отношение к истине определяет самого исследователя.

Иной аспект нищеты философии постмодерна можно раскрыть сквозь мифологему «смерти субъекта» [20, с. 26] как антитезисной метафоры постструктурализма к классическому субъекту философии модерна. «Смерть субъекта» – это, прежде всего, смерть исторического субъекта, творца истории.

В какой-то мере это своеобразный саморазрушительный виток развития западноевропейской цивилизации, обесценивающий и смерть Сократа, торжественно-спокойную мысль ожидавшего смертной казни Боэция и сожжение на костре Инквизиции Джордано Бруно. Можно провести аналогию между постструктуралистами и известным героем пьесы «На дне» [5, с. 82] М. Горького Лукой Лукичем, что был списан с Л. Толстого: говорит и учит тому, во что сам не верит, и сам так не живет.

Впоследствии постмодерн предпринимает попытку описать бытие атомарного индивида сквозь призму дуалистического подхода, выделяя инстинкт и мысль. Концепт «инстинкт», например, позаимствован постструктуралистами в творчестве А. Бергсона, про которого выдающийся мыслитель и гуманист XX столетия, лорд Б. Рассел заметил: «…инстинкт в своем лучшем проявлении виден у муравьев, пчел и у Бергсона» [15, с. 519]. Так, по нашему мнению, концепт «инстинкт» Бергсона в совокупности с психоанализом З. Фрейда послужили основой для шизоаналитической концепции Ж. Делёза и Ф. Гваттари: редуцирование человека до простого, односложного элемента, превратившего его в «желающую машину», порожденную репрессивным механизмом капиталистического общества, или высказанная ими мысль о том, что вся история есть история «желания» [6, с. 5].

Такой обмирщенный подход по своей сущности исключает универсальное понимание не только мира, точнее, в постструктуралистской артикуляции, – текста, но и любое иное прочтение, несущее хоть толику того, что можно было бы именовать социально значимым опытом прочтения, поскольку «социальная значимость» заменяется значимостью субъективной, рожденной желанием, где побеждается «мнение». Человек как историческое существо перестает быть историческим, поскольку традиции возможны лишь в крайних случаях, объективный смысл текста объявляется паранойяльным и репрессивным, а сама история заменяется повседневностью, для описания которой сама эпоха не имеет никакого значения.

Мышление в стиле *post-mo* оказало, на наш взгляд, негативное воздействие, превратив объект и предмет исследования в некую субъективную спекуляцию, где они, утратив всю связь с объективной реальностью, перешли в сферу субъективного. Суть данной проблемы лежит в специфической гносеологии постструктурализма, где главную роль играет не «значение», а «означание» [18, с. 117], которое является герметичным по форме, а смысл, который должен наполнять саму форму, декларируется волей и образом мысли означающего субъекта. Постструктурализм возводит в абсолют конвенциональность, которая является одним из свойств любого языка и речи. Постструктурализм прав, но лишь в том смысле, что любому предмету объективной реальности мы можем присваивать любое слово, но изменит ли само свойство объекта или его восприятие познающим субъектом присвоение нового «значения» в рамках языковой игры? Нет.

Сам язык не может «…считаться нейтральным вместилищем смысла», он редуцируется и закрепляется одной из своих форм, в форме текста. Можно, следуя логике постструктурализма, отметить, что само «субъективное начало» имеет онтологическую основу: «смысл», вложенный интерпретатором (участником «языковой игры») в текст и зависит от конкретного интереса самого интерпретатора. Господство хаоса в пространстве языка, который отождествляется с миром, по мнению постструктуралистов, означает хаотичность самого мира, отсутствие не только *arhe*, но и утрату смысла мира как такового. Сам мир, лишенный структуры, своего онтологического начала, конструирует себя на манер *la rhizome* – «корневища», которое произрастает во всех направлениях [7, с. 214]. Ризома – это метафорический образ, в котором эссенциализировалось постструктуралистское восприятие антиструктурности мироздания, отсутствие единого «корня», единого структурного начала.

Де-онтологизация объективной реальности и постулирование самостоятельной онтологии текста, но текста, лишенного бинарной оппозиции субъекта и объекта познания, есть не что иное, как признание невозможности какого-либо познания, отказ от гносеологии как таковой – превращение ее в субъективно-идеалистическую спекуляцию. И как следствие – отказ философии в ее научности.

Любой мыслитель, чье мнение воспринимается, становится предметом дискуссий, тот мыслитель, что становится властителем дум, несет за свои мысли ответственность, за все сказанное и написанное, тем более, если он претендует на научность, использует терминологию *science*, оперирует фактами. Очень четко данную позицию выразят А. Сокал и Ж. Брикмон: «Авторы <…> всерьез говорят о философии, психоанализе, семиотике или истории науки. Их произведения являются предметом бесчисленных комментариев, исследований, семинарских занятий и диссертаций. Очевидно, что они стремятся создать теоретическое творение <…> Тем более, что их стиль, зачастую тяжеловесный и помпезный, вряд ли <…> подходит для поэтического, литературного произведения» [17, с. 19].

Подводя итоги исследования, можно отметить следующее: постструктурализм лишь подтвердил выводы К. Маркса о вторичности сознания по отношению к материи, постмодернизм оказался темпорально и локально ограниченным явлением, феноменом рефлексии «поколения 68-го», но поскольку современное состояние социальной материи радикально отличается от периода середины XX века, то и постструктурализм потерял свою актуальность, его явление подобно катарсису самой философии, саморазрушительный виток развития западноевропейской мысли очистил ее для дальнейшего развития.

Список литературы

1. **Брайсон В.** Политическая теория феминизма. М.: Идея-пресс, 2001. 302 с.
2. **Бузгалин А. В.** Постмодернизм устарел... (Закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии») // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 3-15.
3. **Гегель Г. В. Ф.** Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 479 с.
4. **Гегель Г. В. Ф.** Философия права. М.: Мир книги, 2007. 464 с.
5. **Горький М.** Художественные произведения: в 25-ти т. М.: Наука, 1968-1976. Т. VII. 812 с.
6. **Делёз Ж., Гваттари Ф.** Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
7. **Делёз Ж., Гваттари Ф.** Тысяча плато: капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирский. Екатеринбург: У-Фактория, 2010. 895 с.
8. **Деррида Ж.** О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
9. **Лиотар Ж.-Ф.** Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
10. **Маркс К.** Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-е. М.: Политиздат, 1957. Т. 8.
11. **Маркс К.** Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. С. 517-642.
12. **Меньчиков Г. П.** Неоклассическая философия: сущность, содержание, значение // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 1. С. 105-117.
13. **Ницше Ф.** Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.
14. **Пятигорский А. М.** Избранные труды / сост., общ. ред. Г. Г. Амелина. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.
15. **Рассел Б.** История западной философии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. 1008 с.
16. **Руднев В. П.** Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.
17. **Сокал А., Брикмон Ж.** Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина. М.: Дом интеллектуальной элиты, 2002. 248 с.
18. **Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. 432 с.
19. **Философия модерна и философия постмодерна**: коллективная монография / отв. ред. и сост. В. Н. Финогенов. Орел: ООО ПФ «Картуш», 2014. 162 с.
20. **Фуко М.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб.: A-cad, 1994. 408 с.

POVERTY OF POSTMODERNITY PHILOSOPHY

Krasnov Anton Sergeevich, Ph. D. in Philosophy
Volchkova Ol'ga Olegovna
Bikkinin Azat Mirgasimovich
Kazan (Volga Region) Federal University
anton-krasnov1987@yandex.ru; Adelaida389@mail.ru; azatbi2k@gmail.com

The article focuses on identifying and criticizing post-structuralist (and post-modernist in general) mythologemes and methodological approaches well-established in the modern philosophical tradition. According to the authors, the post-modernist tradition, as it is adopted in the modern Russian philosophy, is not relevant nowadays, moreover, it ruins philosophy as a science and decelerates development of philosophical knowledge.

Key words and phrases: philosophy; paradigm of neo-classics; postmodernity; after-postmodern; post-structuralism.